

ВОЕННЫЕ У ВЛАСТИ

П И С Ь М О И З И Н Д О Н Е З И И

А. ЛАВИН

В ДНИ 25-летнего юбилея индонезийской армии джакартская газета «Компас» опубликовала характерную для тех дней карикатуру, которая потом была перепечатана некоторыми провинциальными изданиями. Профессор изображен сидящим у лотка с сигаретами, а узнавший его прохожий с удивлением вопрошает: «О, учитель! Вы торгуете сигаретами?!» — «Двойственная функция, дорогой», — отвечает профессор, смиренно приложив правую руку к сердцу.

Время так называемой двойственной функции армии — обеспечение внешней и внутренней безопасности, а также политико-экономическое руководство страной, — которое индонезийские генералы взяли на себя, оспаривается как умеренными кругами националистического толка, так и крайне правыми элементами, группирующимися вокруг Мусульманской партии Индонезии (МПИ) — преемницы проимпериалистической «Машуми», распущенной Сукарно в 1960 году за организацию антиправительственных мятежей.

Многие центральные и местные газеты начали регулярно публиковать высказывания известных политических деятелей, комментарии, карикатуры, осуждающие позиции, занятые армейской верхушкой. «Армия надоела! Армии пора уходить! Передать власть политическим партиям!» — вот смысл таких публикаций.

Прошло больше пяти лет с тех пор, как в Индонезии утвердилась военная власть. Населению внушается мысль о том, что армия «спасла нацию от сползания в лono коммунизма», что именно во-

оруженные силы способны не только воспрепятствовать возврату «старого порядка», но и возглавить политическое руководство и национальное строительство.

Численный состав индонезийской армии (АБРИ — «Ангкатан берсенджата республик Индонезия») точно определить не представляется возможным. Из публичного выступления президента Сухарто двухлетней давности явствовало, что к тому времени во всех родах войск насчитывалось 600 тысяч человек, находящихся под ружьем, а также еще 220 тысяч военных, занимающих гражданские посты, и лиц, обслуживающих армию.

Однако, судя по другим данным, иногда просачивающимся в печать, эти цифры либо занижены, либо устарели. Командующий VI военным районом «Силиванги» генерал-майор Витано намекал в октябре 1970 года, в связи со студенческими волнениями в Бандунге, что под его командованием находится 140-тысячная армия. А таких военизированных районов во всей Индонезии насчитывается 17.

Одной из основных форм военного контроля над Индонезией является активное вмешательство армии в экономику страны. Пятилетний план развития составлен и осуществляется под непосредственным наблюдением военных властей. Они контролируют государственные заказы (получая крупные взятки в форме комиссионных сборов за «посредничество»), ставят своих людей во главе различных предприятий и плантационных хозяйств.

Директором национальной нефтяной компании «Пертамина» является генерал Ибну Сутово. Ру-

ководители почти всех десяти государственных плантаций на Суматре — майоры и подполковники. Офицеры занимают важные посты и в государственной гражданской авиакомпании «Гаруда», а также в государственной компании морских перевозок «ПЕЛНИ».

Большую активность проявляет армия на сельскохозяйственном поприще, концентрируя свои усилия главным образом на производстве риса. Целые воинские подразделения, вплоть до полков, закрепляются за отдельными участками земли.

Под армейские хозяйства используются либо государственные земли, либо земли, взятые «во временное пользование» у крестьян. Площади обрабатываемых земель самые различные — от нескольких десятков до нескольких сот гектаров.

На первый взгляд кажется, что армии удалось стабилизировать политическое положение в стране, наладить экономическое строительство и даже поднять жизненный уровень. Однако многие факты заставляют усомниться в этом.

Строительство ограничено небольшими объектами, которые призваны удовлетворить потребности населения и, следовательно, не вносят коренных изменений в организацию промышленного и сельскохозяйственного производства. Страна по-прежнему вынуждена ввозить рис — основной продукт питания. В 1971 году планируется импортировать 800 тысяч тонн риса.

Правительству Сухарто удалось стабилизировать денежную единицу. В настоящее время индонезийские банки обменивают рупию на свободно конвертируемую ва-

луту по официальному курсу. На местном рынке можно купить любую товар.

Но и эти показатели еще не говорят о значительных успехах военного режима. Они достигнуты только в результате иностранной помощи — свыше 600 миллионов долларов в год. Индонезия уже задолжала 27 странам более четырех миллиардов долларов.

Военному правительству удалось улучшить жизненные условия лишь некоторых, весьма определенных категорий населения: старшего и среднего состава офицеров сухопутных сил, авиации, флота и полиции, государственных служащих, чиновников частных фирм, промышленных и сельскохозяйственных предприятий и плантаций.

«Самое печальное, с чем мы сталкиваемся сегодня, это то, что среди нас появились люди, которые с каждым днем богатеют, в то время как большинство не имеет возможности даже регулярно питаться», — писала газета «Мимбар умум».

Генералы принимают шаги, с помощью которых они рассчитывают укрепить свои позиции. В этом плане следует рассматривать и предстоящие в 1971 году всеобщие выборы. Военная верхушка надеется узаконить свое пребывание у власти. Поэтому ее предвыборная борьба сводится не только к дискредитации и ослаблению противников, но и к внушению населению веры в то, что именно армия, с ее так называемой двойственной функцией, лучше всего подходит для индонезийского общества в качестве руководящей силы.

Каков потенциал классовых и политических сил в современной Индонезии?

Если говорить о рабочем классе и крестьянстве, то их положение резко ухудшилось.

Наибольшая масса рабочих сосредоточена на нефтепромыслах, оловянных приисках, каучуковых и масличных плантациях, а также на транспорте. Но все работы ведутся на отдаленных друг от друга объектах. На предприятиях иностранных нефтяных компаний рабочие обеспечиваются более высокими окладами, жильем, но им фактически запрещается вести какую-либо организованную общественную деятельность. В Индонезии четыре миллиона зарегистрированных безработных, а вообще-то, по заявлению официальных лиц, их в стране вместе с полубезработными 19 миллионов.

Плантационные рабочие, как правило, объединены в профсоюзы, но в нынешних условиях профсоюзы бессильны что-либо предпринять. К тому же на плантациях рабочие более всего разобщены территориально, а их профсоюзные объединения часто конкурируют между собой.

Индонезийский крестьянин сталкивается с теми же трудностями и невзгодами, что и рабочий. Помимо того, он, как правило, обременен огромной семьей, скован цепями религиозных догм.

Религиозные проповедники, представляющие Мусульманскую партию, внушают малограмотному крестьянину, что за его поведение во время предстоящих выборов будет следить сам аллах. Военные власти не упускают случая напомнить и о своем зорком глазе. Трудно сказать, кого теперь больше боится крестьянин — аллаха или автоматчика, прогуливающегося по деревне. Во избежание неприятностей на всеобщих выборах он, скорее всего, отдаст свой голос кандидату военных властей. Аллах все-таки далеко, а автоматчик рядом.

Известную классовую силу представляет собой национальная буржуазия Индонезии. Но и она ослаблена, разобщена и, стало быть, лишена возможности в полной мере проявить себя. К тому же индонезийская буржуазия далеко отстает от своих коллег в развитых странах и по предпринимательскому размаху, и по финансово-экономическим возможностям, и по положению в обществе, а следовательно, и по своему влиянию на политическую жизнь страны. В условиях продолжающихся гонений и всевозможных препятствий, чинимых военным режимом в сфере экономического предпринимательства, индонезийская буржуазия заняла выжидательную позицию.

Вот любопытный пример. Известный в Индонезии суматранский капиталист Т. Д. Пардеде, являющийся владельцем текстильного комбината, фактически отказался от расширения предприятия и увлекся второстепенным бизнесом. Он организовал рыболовецкое хозяйство, приступил к строительству шести гостиниц для туристов в Медане и курортном местечке Прапате. В прежние времена Пардеде входил в состав правительства, оказывал финансовую поддержку Национальной партии, а теперь его «политическая деятельность» ограничена представительством во Всеиндонезийской футбольной федерации.

Он организовал футбольную команду на своих предприятиях и часто разъезжает с ней по соседним странам.

Подобную трансформацию можно объяснить лишь жестким курсом нынешнего режима, недоверием к нему со стороны местных капиталистов. Рискованно начинать большое дело в атмосфере неустойчивости и неопределенности.

Слабость и аполитичность национальной буржуазии объясняется и тем, что большую и самую активную ее часть составляют бизнесмены китайского происхождения. На Суматре, где лучше всего развиты отрасли по производству технических культур на экспорт, живет около 900 тысяч китайцев (подданных Индонезии, КНР, Тайваня и без гражданства). Это составляет менее пяти процентов всего населения острова. Однако в руках китайских бизнесменов сосредоточено почти все частное производство и экспорт каучука, табака, кофе, рыболовство, внутренняя торговля, банковское дело, сфера услуг и другие важные отрасли экономики.

В отличие от местной национальной буржуазии китайские предприниматели не заинтересованы в ограничении ввоза иностранного капитала, потому что, во-первых, многие из них являются компаньонами сингапурских, малайзийских, гонконгских капиталистов, вкладывающих свой капитал в индонезийскую экономику и торговлю, во-вторых, китайцы обычно уклоняются от предпринимательства в тех отраслях экономики, куда устремляется большой иностранный капитал, и, в-третьих, местные китайцы часто выступают в качестве партнеров иностранных компаний, например японских.

Таким образом, индонезийская национальная буржуазия в настоящее время не представляет собой единой политико-экономической силы. Националистов и китайских предпринимателей объединяет только одно — недоверие к нынешнему режиму. Но этого далеко не достаточно для того, чтобы противостоять диктаторской политике военных властей, и тем более — для изменения формы государственного правления.

Власти, заявив о «двойственной функции армии», фактически отстранили от всякой деятельности гражданские государственные институты. Народный консультативный конгресс, губернаторства, мэрии, областные руководители —

бупаты практически лишены всяких полномочий. В лучшем случае они штампуют решения, принятые военной верхушкой как в центре, так и на местах.

В последнее время несколько активизировалась деятельность буржуазных политических партий.

В 1969 году МПИ провела конференции провинциальных отделений. Эмиссары центрального руководства в своих выступлениях, не стесняясь, заявляли о том, что новая Мусульманская партия уже объединила под своим знаменем 99 процентов бывших членов «Машуми». Провинциальные конференции МПИ прошли под лозунгом мобилизации сил для достижения победы на предстоящих всеобщих выборах. Используя антипатию и недоверие индонезийской общественности к режиму военной диктатуры, МПИ стремится завоевать авторитет среди широких масс путем резких критических выступлений в адрес военных властей на местах. В газетах, находящихся под контролем МПИ, делаются недвусмысленные намеки на то, что военные власти не способны управлять государством, что надобность в военной диктатуре отпала, что необходимо передать власть политическим партиям.

Под этими требованиями не задумываясь поставили бы свои подписи и демократы, но многие из них понимают, что эта демагогия применяется МПИ исключительно для того, чтобы нажить себе политический капитал. Одновременно с критикой военных властей МПИ резко выступает против демократических сил, всячески клеймит Национальную партию Индонезии (НПИ), обвиняя ее в сотрудничестве с Компартией, в том, что НПИ и теперь представляет «старый порядок» в стране, и настаивает на ее запрещении.

МПИ так же, как и ее предшественница «Машуми», придерживается резко антикоммунистических взглядов, одобряет агрессивный курс США, ратует за еще большее сближение с империалистическими государствами, с одной стороны, и отказ от сотрудничества со странами социализма — с другой.

МПИ широко использует мусульманскую молодежь экстремистского толка для популяризации своих взглядов.

В последнее время были внесены некоторые изменения в отношение к иностранному капиталу. Если до 1968 года правитель-

ство утверждало, что допуск иностранного капитала «ни в коем случае не означает растративания национальных богатств», а лишь призван содействовать «лучшему использованию этих богатств в интересах нации», то в ноябре 1969 года оно отводит иностранному капиталу роль катализатора, который должен способствовать активизации национальной предпринимательства.

Правительство Сухарто проявило активность в нормализации отношений с Советским Союзом и другими социалистическими странами. В Москве трижды побывал министр иностранных дел Индонезии Адам Малик, в Джакарту ездила советская экономическая делегация.

Правительство все острее чувствует необходимость опоры на какую-либо политическую партию. Еще в 1966 году Сухарто предпринял попытку приблизить к себе НПИ, менее всего скомпрометировавшую себя во время антидемократического разгула. Однако тогда эта попытка не увенчалась успехом.

Армия поспешила выбросить на идеологический рынок новую формулу: «НАСМИЛА», то есть союз националистов, милитаристов и религиозных сил, который, по ее предположениям, должен был бы укрепиться у власти после всеобщих выборов. Но такой союз не устраивал мусульманских лидеров, и «НАСМИЛА» оказа-

лась мертворожденным ребенком.

Тогда правительство Сухарто вернулось к своей первоначальной идее — опереться на НПИ. На семаarangском конгрессе Национальной партии, состоявшемся в апреле 1970 года, оно сумело поставить во главе НПИ своих людей и фактически войти в коалицию с новым руководством.

НПИ несколько лет находилась в «замороженном» состоянии. После событий 30 сентября 1965 года армейские руководители и мусульманские лидеры обвинили ее в том, что она долгое время являлась союзницей КПИ.

Кампания против НПИ вынудила партию «самораспуститься». В 1967 году президент издал указ № 16, разрешающий НПИ продолжать ее деятельность. Однако вплоть до последних дней НПИ не удалось полностью восстановить свои ряды, главным образом из-за препятствий, чинимых новой Мусульманской партией и ее молодежными организациями.

Конечно, урезанные даже с точки зрения буржуазного парламентаризма выборы вряд ли приведут к радикальному изменению обстановки в Индонезии. Тем не менее они могут способствовать более четкому выявлению соотношения классовых и политических сил страны, откроют новые возможности для дальнейшего усиления борьбы народных масс против индонезийской реакции.

К ПРОБЛЕМЕ ПИТАНИЯ В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ

В докладе продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО) отмечается: «Африканский ребенок при рождении в физическом отношении развит лучше европейского, но позднее, когда младенческого африканца отнимают от груди, в его питании начинает не хватать протеина и он в своем физическом развитии отстает от ребенка из Европы».

Нехватка протеина, говорится далее в докладе, является результатом того, что «пищевой рацион в большинстве развивающихся стран очень однообразен. Его основу составляют в зависимости от времени года один-два вида зерновых или какой-либо корнеплод с большим содержанием крахмала, которые и дают 75—80 процентов калорий ежедневного рациона, а большинство этих продуктов небогато протеином».

ФАО считает одной из главных продовольственных проблем, стоящих перед человечеством, увеличение содержания протеина в производимых в настоящее время зерновых культурах путем выведения новых сортов или улучшения существующих.